

Б У Д У Щ Е Е М Х А Т а

Очень понравились фрунзенцам молодые мхатовцы. Разве забудем мы Маргариту Юрьеву — чеховскую Машу в «Трех сестрах»? Или Клементину Ростовцеву в таких разных, полярно противоположных ролях, как Наталия Ивановна в «Трех сестрах» и Поля — в «Мещанах»? А как хороши Нина Гуляева в Шурке Булычовой, и Елена Хромова в «Друзьях и

годах», и Татьяна Ленникова в «Поздней любви»! Надолго останутся в сердце и Леонид Губанов, и Александр Михайлов, и Анатолий Вербицкий, и Петр Чернов, и Галикс Колчицкий, и Леонид Топчиев, и Николай Алексеев.

Но ведь есть еще и «самые молодые»! Вот случай: у нас, во Фрунзе, заболел исполнитель роли Костылева в «На дне». На его роль пришлось перевести актера, игравшего Алешку-сапожника. А кто же сы-

грает Алешку? И вот в течение одного (!) дня в спектакль был введен юный Виктор Петров, выпускник ГИТИСа. И сыграл отлично. Говорят, что недавно он так же стремительно и успешно был введен на роль Гаврилы в «Горячем сердце» Островского.

А теперь — слово одному из «самых молодых» (он лишь два года в театре), выпускнику Школы-Студии МХАТа Николаю Пенькову.

...ВСЯКОЙ ИСТОРИИ СВОЕ НАЧАЛО...

Дверь директорского кабинета открывалась бесшумно.

— Товарищ Пеньков...

Инстинктивно дернул ручку вниз и спрятал в кулак сигарету. Выпускникам студии, хотя и разрешалось курить в коридорах, но такова сила привычки. Всего год назад я получил диплом, и директор оставался директором.

Вместе с ним из кабинета вышли двое: театральные критик Б. Поюровский и не знакомый мне седой человек в сером костюме.

— Леонид Викторович, — обратился к нему директор. — Это Коля Пеньков, выпускник нашей студии (и т. д.).

— Очень приятно... Варпаховский...

У меня мелькнула догадка.

— Вы, кажется, будете ставить у нас, во МХАТе, спектакль?

— Совершенно верно. «Шестое июля». И вы там будете играть роль.

— Какую? — вырвалось у меня слишком поспешно.

— Пока секрет, — обаятельно улыбнулся Варпаховский и добавил: — пока...

Пошли коридором к выходу. Я догнал приотставшего Поюровского.

— Борис Александрович...

— Да.

— Вы ведь все знаете...

— Да, я все знаю, — согласился Поюровский и положил умную голову на плечо, будто спрашивая: «И что?».

— Что там за роль у меня?

— Хорошая.

— Ну и...

— Секрет, — и удалился, загадочный как сфинкс.

«Заладили: секрет, секрет, — чертыхался я про себя, — сговорились! Ну да, догадаться нетрудно... «Шестое июля»... Революционная тематика... буду играть какого-нибудь рабочего паренька... или того юнкера, который хотел в Ленина стрелять, а потом раскаялся, был такой эпизод»...

Однажды, где-то в конце октября, на доске приказов появился большой листок, скрепленный подписью директора и печатью:

Распределение ролей по пьесе М. Шатрова «Шестое июля».

Список ролей огромный, человек сто. Начинаю сверху: Ленин — Б. А. Смирнов, Свердлов — Н. В. Пеньков... Не может быть... Читаю вновь: Свердлов, председатель ВЦИК — Н. В. Пеньков.

Вспомнил мгновенно все, что знал о Я. М. Свердлове: первый президент Республики Советов, незаменимый помощник и друг Ленина, человек светлой души и незапятнанной совести... Худощавое лицо, пышные волосы, усы, борода, пенсне. И вот все это — должен быть я???

На другой день подхожу к Варпаховскому.

— Леонид Викторович, вы хорошо подумали, когда назначали меня на роль Я. М. Свердлова?

— Думаю, что да.

— Вы же меня совсем не знаете как артиста?

— Нет, почему ж...

Я вас видел в спектакле «Я вижу солнце».

— Но ведь я там играю пятнадцатилетнего паренька грузинского...

— А что вас смущает?

— Ну как что? Все-таки — Свердлов. У меня еще опыта мало...

— Это неважно. Я верю в вас как в актера.

И все... Я верю в вас... Это очень много, но еще недостаточно.

...Дорогу осилит идущий...

Надо искать, набирать, смотреть, заниматься у жизни. В роли Я. М. Свердлова я не обнаружил почти ни одной «родственной» черточки. Было от чего ужаснуться. А репетиции начались. На первых из них я горел со стыда за себя. Слова вылетают сухими. Ни мыслей, ни чувств. Сты-ы-дно! А рядом — Б. А. Смирнов. Он и без грима-то похож на Ленина. А роль Свердлова — вторая по величине после ленинской. И была бы это обыкновенная художественная пьеса, а то: «первый опыт документальной драмы». Документ! И, значит, я должен быть настоящим Свердловым. Кинулся в литературу. Речи Свердлова на съездах, собраниях, митингах, конференциях. Записки, телеграммы, воззвания к народу. Коротко, сжато, энергично, по существу. Ага, уже какая-то зацепка есть, хоть и маленькая. Воспоминания современников, людей, близко знавших Свердлова, его сына — Андрея Яковлевича. Случай помог мне встретиться с этим человеком...

— Так это вы будете играть моего отца?

В словах прозвучала еле уловимая (или мне это показалось) ирония.

— Пройдемте в мой кабинет, я вам покажу кое-что...

Андрею Яковлевичу под пятьдесят. Крепкий, чуть лысеющий и... очень слабо похожий на отца. Просторный кабинет. Книжки. Портреты, скульптуры Якова Михайловича Свердлова.

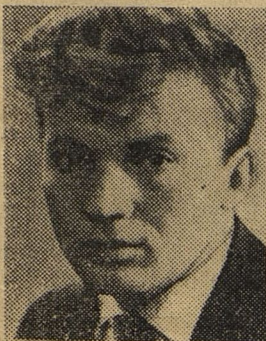
В этот вечер я узнал о Свердлове больше, чем за все дни моих сумбурных книжных исканий. Редкие фотографии (для воссоздания внешнего облика — это клад!)... Воспоминания соратников и политических противников... И что самое ценное: и первые, и вторые говорят о нем с большой теплотой и любовью.

«...Яков Михайлович Свердлов органически вошел в революцию. Он будто создан был для труднейшей роли — председателя ВЦИКа»...

«...После вступления на пост председателя ВЦИКа Яков Михайлович и внешне стал прекрасен»... (это писала женщина).

Все отмечали прекрасный ораторский талант Свердлова и его прославленный голос. Бас. Его называли «восьмым чудом света»...

Уходил из квартиры Свердловых счастливый и богатый, как Крез. Образ Якова Михайловича стал чутью понятнее. После этого я увлекся внешней стороной

образа. Сел на голосовую характерность («восьмое чудо света»), начал искать походку, жесты, манеру разговаривать, курить, смотреть, поправлять пенсне. Что-то стало получаться, но внутри по-прежнему холодновато и пусто. Никак не мог избавиться от внутренней закрепощенности.

— Все хорошо, Николай Васильевич, — говорил Варпаховский, — только попроще. Не нажимайте. Все проще.

Легко сказать — проще!

Борис Александрович Смирнов, видя мои мучения, как-то отозвал меня в сторонку: — Коля, хочу дать вам совет. Плуньте на то, что вы молодой актер в роли Свердлова.

— Вы — сам Свердлов! Председатель ВЦИКа! В ваших руках вся организационная нагрузка молодой республики. Почувствуйте себя не Пеньковым в роли Свердлова, а самим Свердловым. Ей-богу, вам станет легче. Поверьте моему опыту. У меня сначала тоже так бывало...

Репетиции... работа... нервы... маленькие удачки... большие провалы... отчаяние... пот (как у грузчика)... День, когда роль лачинает получаться, обычно не запоминается. Да его, вероятно, не существует совсем. Его нельзя, как листок календаря, оторвать и спрятать на память. Просто просыпаетесь однажды с ощущением праздника в душе. В чем дело? Ах, да... Через час репетиция «Шестое июля».

Раньше шел в театр, как на эшафот, а теперь — праздник. Но роль еще сыра. Ее надо дожимать, выявлять, обтачивать, доводить до степени филигранны. Но уже существует внутренняя свобода. А творчество при наличии свободы — это счастье. И вот наступает день премьеры. Волнение достигает степени двенадцати баллов. За себя, за товарищей, за спектакль. Все чутью торжественные и чутью испуганные: как-то выйдут.

Леонид Викторович Варпаховский ходит за кулисами. Он в «крахмале», бабочке, курит папиросы одну за другой. Он внешне спокоен и как бы говорит: «Ну, я свое дело сделал. Очередь за вами».

Как прошел спектакль — не помню. Только когда раздался аплодисменты и крики «Браво!», «Спасибо», мы поняли, что это — удача.

Большая удача всего коллектива артистов, талантливейшего режиссера Варпаховского, художника Ворошилова и автора пьесы М. Шатрова.

Жалко, что из-за большой технической трудности мы не сможем показать этот спектакль фрунзенцам. Ну что ж! Нет худа без добра.

Милости просим в Москву на спектакль МХАТа «Шестое июля».

Н. ПЕНЬКОВ.

На снимках: Н. ПЕНЬКОВ в жизни и в роли Я. М. Свердлова.